

Мамонев Тёдор
Кузнецов

11.03.04.

ОН ПЯТЬ МИНУТ МОЛЧИТ,
А ГЛАЗ НЕ ОТВЕДЕШЬ

Веч. клуб - 2004 - 11 марта - с. 25

ТЕАТР

Происходит следующее. Сначала по сцене перемещается на лыжах женщина в красивом серебристом костюме и серебристой же маске (Анна Кузнецова). При темных очках. Спустя некоторое время появится лысоватый полный мужчина (в жизни – врач-аспирант А. Подольский) с внешностью бывшего комсомольского работника,

который в лихие годы ушел в бизнес, не прижился там и опять выпал из времени. Судя по производимым действиям – непосредственно в параллельные миры, где во всем, что ни делается, есть, вероятно, какой-то смысл, но из реальности партера логика происходящего на сцене понятна мало. Мужчина исполняет твист, четко следуя инструкциям Бывалого

из «Кавказской пленницы», гоняет чай из китайского термоса, гребет в лодке по деревянному настилу аки по морю, со всей дури молотит по полу большим надувным мячиком. В районе сердца он пронзен насквозь большой стеклянной стрелой. Поблизости обретается человек с крупным яйцом вместо головы.

НЕ ХРЕНЬ

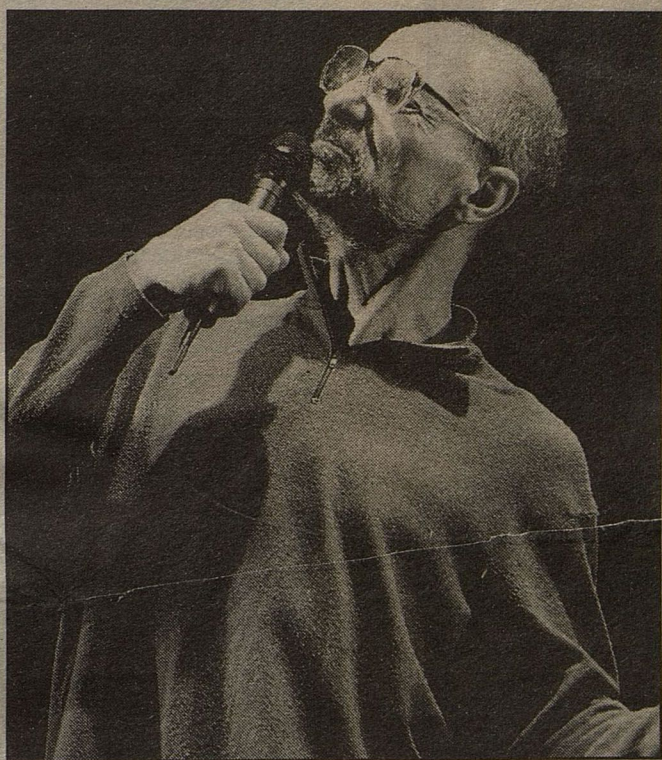
Сергей СИНЯКОВ

Смысла ноль. Обращаемся за объяснениями к создателям спектакля, сценаристу Марии Потаповой и Сергею Лобану, участникам группы «Свои», ранее входившим в радикальное творческое объединение «ЗАИ-БИ» (За Анонимное И Бесплатное Искусство). Теперь все ясно. Перед нами своего рода римейк популярной сказки «Снежная королева». Но не про то, как Герда искала украденного Кая с куском льда вместо сердца, а про то, как ему жилось, чувствовалось, дышалось и наблюдалось в период разлуки с подружкой. «Какая, однако, хрень, – скажет в недоумении даже самый терпимый и вежливый читатель, – а пойду-ка я лучше на оперетту. Там тихо, покойно, поют красиво, да и сюжет знаком мне, человеку культурному, буквально сизмалства. Да и места точно есть». «Не хрень, – беспокоюсь я, – повремените с «Летучей мышью», не улетит она никуда еще лет двести». Она-то не улетит, а Петр Николаевич опять уедет в деревню.

Теперь о самом важном. На сцене, помимо Снежной королевы на лыжах, пробитого насквозь немолодого Мальчика Кая и существа с головой-яйцом присутствует Петр Николаевич Мамонов, человек непростой судьбы, в прошлом переводчик, автор журнала «Пионер», грузчик, алкоголик, владелец звукозаписывающего лейбла, автор и исполнитель, драматург и режиссер, певец и актер, а ныне по совместительству сельский житель. Два предыду-

щих спектакля, «Есть ли жизнь на Марсе?» и «Шоколадный Пушкин» (вышедший актуально – в самый разгул торжеств по поводу памятного юбилея) Мамонов ставил и играл лично, в одиночестве. Имел при этом вполне бешеный успех, однако, участвуя в спектакле, сделанном на материале двух его последних пластинок, «Мыши» и «Зелененький», признался, что одному на сцене ему стало неуютно и чуть ли не страшно.

В общем, верится. Когда лирическому герою Мамонова страшно, он кричит, скулит и дергается так, что понимаешь: действительно, кажут. Когда весело, герой поет и пляшет, выделывая нелепые колготки, застывая в парадных позах оратора на торжественном пленуме, чтобы тотчас, подстреленной птицей, рухнуть навзничь. Когда задумчиво, лысый человек впадает в патетику, смотрит в зал то с ласковым укором, то с неким призывом и командным тоном озвучивает, например: «Немедленно будет лето!». Ощущения, словно и вправду – выйдешь на улицу, а там от жары плавится асфальт. Проблема (она же – зрительское счастье) в том, что весело, страшно и задумчиво герою Петра Николаевича бывает одновременно. Сплавить всю гамму чувств в одном жесте, сыграть одинаково убедительно и кролика, и не работающий холодильник, который на самом деле северозападный слон, автору и исполнителю помогает, надо полагать, огромная, невиданной силы энергетика. Мамонов может

«Мыши, Мальчик Кай
и Снежная королева».
Режиссер Сергей Лобан

быть молчалив и недвижим минут пять, но все это время вы не сможете отвести от него глаз, а в момент возгласа, причем любого, испытаете нечто вроде экстаза.

Аналоги даже как-то в голову и не приходят. Среди близких по духу и жанру – не Гришковец, который, в отличие от шамана Мамонова, все-таки внятный рассказчик, стремящийся, чтобы было понятно, а покойный алкогольный метафизик Ерофеев, в устах которого очень легко себе представить фразу: «Я такой дядечка особенный, много-много лет пролежал в

пыли, так что трясти меня не надо...». Напоследок отмечу, что в новом спектакле Мамонов типа пошел навстречу зрителю, убоявшись, вероятно, последнего чересчур сильно перегрузить и напугать. Штанов, как обещалось, снимать не стал, но есть ложка и дядечка-танцор, а специально приглашенный на премьеру Артемий Троицкий в упоительно дорогом костюме в антракте забавлял аудиторию байками из бурного прошлого приятеля. То есть Петр Николаевич не только отменный актер, но и просто очень хороший, заботливый человек. ■